

Путешествие на Сахалин, по Охотскому морю и на курильский остров Итуруп

Лечу на Сахалин – на край света и читаю Чехова. Лететь долго, но трудно вообразить, какая досталась дорога великому писателю, отправившемуся через всю Россию большей частью пути на лошадях. А.П. Чехов, страдая туберкулёзом, через пятьдесят дней добрался до цели, жил на Сахалине и написал выдающееся исследование об острове. Я лечу на далёкий остров в путешествие и читаю книгу с пристрастием. Сосед, читающий Донцову, смутился книги классика:

— Сегодня все от литературы перешли к чтиву, и я решил попробовать. Не нравится, а вот ... читаю.

— Вы живете на Сахалине или москвич?

— Москвич. Двадцать лет назад поехал поработать на год, посмотреть Сахалин, — я ведь всего Чехова перечитал, Чехов меня туда и сманил, — да и остался там на всю жизнь.

— По Москве скучаете?

— Нет, я не люблю Москву. Здесь у меня родственники, а Москва уже другая, не та из которой я уехал. А Вы на Сахалин в командировку?

— Я еду в отпуск.

— Отдыхать у нас хорошо, просторно, но жить трудно, — окончил разговор сосед и вскоре уснул.

Все провинциалы не любят Москву, даже москвич, покинув её и пожив в провинции, чувствует в ней сгусток особого паразитства. Я тоже не люблю Москву: набегался с фотографиями по издательствам и с сочувствием разделяю неприязнь уснувшего соседа к столице. Кроме суеты и бездушности Москва наваливается на любого заезжего полицейским режимом. На каждом шагу стоят милиционеры, все, как один, с наглым выражением лица и бесцеремонно требуют у прохожих паспорта...

...Темп жизни в Москве такой, что реагировать на него можно только с выпученными глазами. Все бегут и некогда остановиться, чтоб оглянуться назад. Москвичи и приезжие работают в столице по четырнадцать часов; все что производится, производится не для жизни, а для денег. На работе тоже все бегут, даже те, кто сидят за компьютерами, — нервно бегут по программам. В проходах к офисам обязательно нервно курят женщины. На улицах лиц не разглядеть — все бегут по тротуарам или летят на машинах. В метро подземная жизнь народа особенно не приветлива на лицах. Все национальности в Москве выглядят одинаково безликими и обтертыми. Я еду в аэропорт и радуюсь прощанию со столицей. Аэропорт пугает всех улетающих и прилетающих терроризмом. Борьба с отдельными террористами ведется путем угнетения всего народа: всех обыскивают, ощупывают, просвечивают и десятикратно обирают аэропортовскими сборами, которые быстро растут, потому что растет опасность терроризма. Унижениями в аэропорту под страхом терроризма народ приучается к покорности. Проходящие через аэропорт толпы с сочувствием к порядку позволяют себя пощупать. В суете всем некогда задуматься, почему, собственно, растет опасность терроризма.

В самолете от московской жизни весь салон отвлекается западными фильмами с мордобоями, которые услужливо предлагаются отечественной авиакомпанией. От мрачных московских впечатлений и фильмов-ужасов я пытаюсь побольше залезть в иллюминатор и взглянуть на занимающуюся зарю. Внизу парят крупные озера, образуя всплывающие грибом облака; грибы вытягиваются и плывут по равнине. Зеленые просторы с синей гладью озер и белыми облаками увлекают меня в странствие. Девять часов полета до Сахалина. Озера, леса, горы: можно ли не благоговеть перед такими живописными пространствами.

Остров Сахалин нельзя сравнивать территорией с каким-либо другим государством, потому что ему принадлежат богатые подводные ресурсы. К Сахалинской области относятся также Курильские

острова, которыми Россия граничит с Тихим океаном. От Сахалина до Курил гораздо дальше, чем от Москвы до Питера и все подводное пространство признано всем миром не менее богатым, чем суша. Япония свое признание выражает территориальными претензиями на Курильские острова в надежде вблизи островов выгребать рыбу и прочие морские дары Охотского моря — самого рыбного места на Земле. Север далёкого острова и шельф Охотского моря, примыкающий к Сахалину, изобилует как Аравия нефтью и газом. К южным портам его на тысячу километров прокладывают сегодня нефтегазопроводы для вывоза сырья предприимчивым соседям: Японии, Южной Корее, Китаю. Как и все дальние российские регионы, Сахалин богат также углем, лесом, минералами и многочисленными рудами. В его заливы заходят киты; около Невельска, на пирсах, на фоне пятиэтажных домов, вальяжно отдыхают сивачи-моржи; повсюду на мысах лежища нерпы (морские коттики); в реках кишит рыба во время нереста — с каким краем можно сравнить эту экзотику? В отличие от глубокой Сибири и Севера на Сахалине довольно разветвленная дорожная сеть и через весь остров проходит железная дорога; город Холмск через порт Ванино связывает Сахалин с «большой землей». Даже по географическим картам очевидна освоенность района. Сахалин — это огромный край, который вместе с Курилами охватывает богатые пространства Охотского моря. Чтобы вообразить, насколько велика Россия размерами, достаточно заметить, что Курильские острова находятся совсем рядом около Японии — страны восходящего солнца.

Все города нашего Дальнего Востока переполнены японскими машинами; Южно-Сахалинск — не исключение. Жизнь бедная, кругом разруха, почти все строения в городе просят капитального ремонта, но снующие машины создают видимость относительного благополучия граждан. Автомобиль не роскошь в XXI веке, а средство заработка. Можно не иметь жилья или жить при голых стенах, но нельзя жить без автомобиля, когда вся жизнь выстроена по принципу: кто кого обгонит. Мировая автоиндустрия штампует миллионами транспортную технику и любой 200 тысячный городишка, даже в Африке, задыхается от выхлопных газов. Две параллельные улицы Южно-Сахалинска занимают центр города и дома там городские; их обитателям повезло — они обслуживаются коммунальной службой. Вся остальная часть города похожа на деревню. В зданиях бывшего Обкома и Горкома располагается нынешняя администрация города; около администрации высажены цветы; не около администрации — даже асфальт не положен. В общем, город не оригинален и составляет общероссийский стандарт глубинки. Новую жизнь от старой отличает наличие добротных построек на окраине Южно-Сахалинска для «новых русских» (на самом деле состав там интернационален) и большое количество обнищавших и деградированных людей на улицах города. Социальное расслоение также отмечено печатью самочувствия на лицах.

В гостинице, внешне похожей на общежитие ПТУ, я долго не мог понять сахалинского секрета: гостиница скромная, а цены как на отель в Париже. Подумалось, может, здесь деньги считают по-старому. Нет, все по-новому — пятьдесят долларов с носа. Я погулял по городу до вечера, а вечером поставил палатку в парке около Краеведческого музея. Или я не путешественник? Утром можно сразу пойти в музей.

В музее все как в Японии, и его здание построено японцами еще во время, когда южная часть Сахалина принадлежала им. Посещают музей тоже, в основном, японцы, которых в Южно-Сахалинске не мало. Кроме японцев в неприглядном городе много европейцев и американцев, которые живут в специально построенном посёлке и работают по договорам на строящемся большом заводе по сжижению газа. Собственно, не только город, но и вся область, — все, кто смог устроиться на работу, — живут за счет выкачивающей сырье индустрии. Производство, существовавшее в СССР, разрушено до основания, а нового создать не удалось. Хитроумные политики, чтобы не называть нашу страну сырьевым придатком, называют экономическую игру в одни ворота с производящими странами, сырьевой экономикой: не обидно звучит и вроде как есть экономика. Жители города находятся в жесткой конкуренции с иностранцами, потому что иностранцы главные заказчики на нефтегазовых объектах. Своими заказчиками и индустрией страна не изобилует. Коррупцированная машина служит зарубежным и российским магнатам, которым всё равно, как живут сахалинцы. Приезжие батраки всех национальностей бывшей нашей Родины тоже теснят на рабочем рынке старожилов; гастарбайтеров выгодней брать на работу: им можно платить

ещё ничтожней и не платить дальневосточные надбавки. Жители близлежащих с городом деревень ни с кем не конкурируют: в деревнях нет никакой работы. Об этих и прочих проблемах города можно спросить хотя бы у работников музея между историческими рассказами о крае. Интересно услышать и то, что все жители Сахалина, как и во времена Чехова, мечтают уехать на материк.

Тайга на Сахалине непролазная. В то же время по острову издавна, еще японцами, проложена железнодорожная узкоколейка, которая фундаментально перестраивалась в советские годы. По сравнению с северной глушью на юге острова довольно много автодорог. Там, где ходят автобусы и поезда, можно рассчитывать на посильные транспортные цены. Я поехал в Долинск, а затем до села Стародубское, и ушел по пустому побережью, в надежде к ночи дойти до рыбаков. Местные жители говорят, что в путину, когда идет нерест рыбы, медведи не опасны и на человека не нападают, но вряд ли кому и добродушного зверя захочется увидеть один на один. Около рыбаков всегда водятся собаки и можно спать спокойно. Рыбаки, однако, были сильно пьяны, поскольку в плохую погоду не идет улов. Пришлось палатку поставить от них подальше на ветряном уступе. Утром прекратился дождь, и с уступа, прямо из палатки, я мог фотографировать отдыхающих на камнях нерп.

Нерпы очень осторожные животные. Во время нереста рыбы они перекрывают вход к речкам, куда стремится гонимая инстинктом рыба и с утра обильно наедаются ею. Периодически выныривая, чтобы отдышаться и оглядеть округу, нерпа высовывает из воды морду с всегда удивленными глазами. Своим взглядом она как бы говорит: “А вы-то здесь зачем?”, - и уплывает от неприятеля подальше. Наевшись, нерпы забираются на камни, выступающие из воды, и сладко дремлют. У них, как полагается в стаде, есть свои сторожа, которые по очереди охраняют покой всех. Камни часто похожи на своих обитателей, и можно пройти по берегу, не заметив отдыхающее стадо. При обилии всякой рыбы на нерп никто не охотится, и стадо живет прямо около села Стародубское. Из поселка на серых камнях можно почти всегда видеть набирающих жир животных. Несмотря на мирное соседство с людьми, нерпы все же держат нужную им дистанцию.

Село Стародубское — обычная убогая российская деревня с покосившимися давно заборами и избами. Консервный завод с ржавым ограждением закрыт. Два частных рыболовецких хозяйства по мощности сильно уступают разрушенному заводу и работой обеспечивают совсем немногих жителей на период путины — рыболовецкого сезона. В деревне в рабочий сезон тоже много пьяных. Во время морского отлива несколько женщин, сидя на корточках, разгребают руками морскую капусту в поисках янтаря. На деньги, вырученные от случайных находок, особенно не разживешься. Подспорьем в выживании для селян служат овощи и картошка, которыми засажены огороды. Несмотря на сочные травы, длительная зима не способствует животноводству, и коров в селе мало. Деревня забыта городом; в нее не доезжает даже автобус и единственная между ними связь, это сельский ларек, называющийся «комком», куда привозят продукты.

На юге Сахалина летом тепло, как в Сочи; на севере почвы острова не отходят от вечной мерзлоты. В июле в Татарском заливе купаются: там теплая морская вода; в это же время с восточной стороны острова в районе Ноглики плавают льдины. Остров разделен на несколько хребтов и в соседних долинах климатические полосы почти всегда с разной температурой и влажностью. При абсолютной разрухе кругом по острову, город Невельск смотрится уютным. По ландшафту и климату он тоже расположен выигрышно. В городе незахламленные парки, центральная площадь сохранила притягательную силу: на ней играют дети, сидят на скамейках люди, и нет привычной для других городов грязи. На лето сюда съезжаются домой студенты, и город смотрится молодым. Название его содержит отзвук российского прошлого. Город живет за счет порта, и мужскому населению перепадают сезонные работы и некоторые прочие заработки. Молодежь, особенно в деревне, на большие перспективы в Невельске не рассчитывает и уезжает в города покрупнее: Южно-Сахалинск, Хабаровск, Владивосток.

Из Невельска на рыболовецком судне можно попасть на заповедный остров Манерон. Администрации заповедника я обещал фотографиями пропагандировать красоты острова, и за это меня взяли на корабль бесплатно. Денежный век не всех сломал в провинции: мне иногда бескорыстно помогали люди, сочувствующие моей затее, рассказывать фотографиями о российских

красотах. На борту нашего баркаса было много народа: команда корабля, водолазы — наемники по добыче морского ежа, экспедиция по изучению морского дна и биоресурсам, работники заповедника, отправившиеся на остров. Среди научных работников была, неуютно себя чувствующая, солидного возраста женщина. Водолазы пили водку и беспощадно матерились. С перестроечных времен количество матершинников сильно прибавилось и в глубинке материться даже при собственных детях теперь не зазорно. После замечания одного из работников науки по поводу брани бравые ребята извинились и продолжили материться. Водолазы, которые должны нырять на глубину десять-двадцать метров, работают под водой с нарушением всех норм по шесть-восемь часов в день, но это будет завтра — сегодня они напиваются. Потеря всякого человеческого облика даже у людей столь необыкновенной профессии связана с перегрузками, одновременно с водкой и общей массовой деградацией всего населения от уродливой повсюду жизни. Культура и нравы скромной провинции безнадежно опускаются.

Погода на море может резко меняться. Наш кораблик, отправившийся в путь радужным днём, к ночи встал на якорь около острова в проливной дождь. На острове оказалась ещё одна научная группа. По тропе с фонариком я поднялся к «научникам», бросил палатку рядом с их лагерем. Меня угостили горячим чаем и заодно просветили по животному и растительному миру заповедника. Команда Исследовательского Южно-Сахалинского института собирает материал для книги и, конечно же, за копейки, но с энтузиазмом делает своё дело: соскучились научные работники по экспедициям. 20 лет назад экспедиции для институтов были привычной работой, сегодня по ним, как на поминках, только вздыхает наука. За много лет впервые на острове оказались сразу две научные группы, получившие подачки-гранты. Наука не оплачивается, а существует на разовые барские дарения. Дары чаще русских собственников делают американские спонсоры и поэтому российская наука, стоящая на коленях, молится на американское слово «грант». По этим грантам наука, соответственно, выдаёт свои плоды в американском ракурсе: кто платит, тот и песни заказывает. Америка, Европа, Япония, проложившие дорогу своим капиталам в Россию, которыми они выкачивают российские недра, не совсем праздно интересуются экологическим состоянием необъятных окраин экономически порабощённой страны и заодно прикупают её науку.

Утром прекратился дождь. Купол горы был спрятан в тумане, палатки же парили на улыбающемся солнце, и можно было оценить работу учёных: у высокой сочной травы рядами располагались гербарии собранных растений, навалены кучи корней и диких плодов, на столе под навесом лежали схемы, таблицы, справочники с пометками о растениях. В лагере царил порядок, а его обитатели разошлись по маршрутам, о которых условились перед сном. Здорово живёт экспедиция: у них толковый руководитель, добродушная атмосфера в группе, никто не упивается водкой и ладится полевая работа. Итоги труда должны обязательно заключаться научным трактатом, но коллектив поставил себе цель написать книгу не только с научными выводами, но и с рассказами о красотах острова. Можно не сомневаться в творческих возможностях экспедиции: получится хорошая книга о Манероне.

На Дальнем Востоке высота деревьев ниже растущего глубоко в Сибири леса из-за гуляющих в межсезонье ветров, но летом здесь растёт необычной высоты трава. Папоротниковые листья, лопухи, медвежья дудка в сентябре поднимаются до четырех метров. Гигантизм, характерный дальневосточным травам, на Манероне представлен во всем великолепии. На острове безлюдье, аромат цветущих трав, красота нетронутой природы и неугомонные птичьи базары. Дно моря около острова просматривается на глубину до десяти метров и усеяно морской живностью: гребешками, ежами, крабами. Манерон красив рельефом, на нем много скал, необычных геологических образований из столбов и пальцев-шестигранников. Макушки острова покрыты лесом и на них часто лежат плотной завесой скрученные облака. В России кругом неповторимая природа. Манерон — еще одно удивительное место. Невысокие горы острова покрыты альпийскими лугами, но труднопроходимы из-за повсюду встающих навстречу скалистых обрывов и ущелий. Несмотря на небольшую площадь, с острова стекают несколько речек с шумными водопадами. Базальтовые скалы, образующие у берегов столбы и выступы, поднимаются веером на десятки метров; морской волной нарезаны живописные бухты и таинственные гроты. Выше по острову стелется бархат

сахалинский, можжевельник Саржента, растут радиола розовая, курильская вишня, шелковица – редкие растения Дальнего Востока. На птичьих базарах кроме чаек гнездятся топорки, соколы, белохвостые орланы; на прибрежных рифах вылеживаются сивучи, ларги, нерпы. Но прежде всего, Манерон замечателен морской фауной и флорой. Цусимское течение, повышающее температуру моря до 20 градусов, и высокая прозрачность воды, создали здесь уникальный подводный мир. Дно острова богато гигантской тугалией, черным ежом, галиотисом-моллюском, трепангой; в море около острова много диковинной рыбы.

Какие на нашем Дальнем Востоке птичьи базары! В мире нет сравнимого зрелища как на островах Охотского моря. Могучие утесы, куда не подступится хищный зверь, облеплены птицами. Скалы и земля на выступах покрыты норами; здесь подрастают выводки громадных стай. Шумно накатывается морская волна на утес, ее общим гомоном наперебой перекрикивают миллионы птиц. Пернатых видимо-невидимо на скалах и в воздухе. В небе они парят тучами, играя с порывами ветра. К базару лучше не приближаться даже с фотографическими целями. Тысячи летающих самок способны на отчаянные и коллективные поступки: они издают пронзительные вопли, пикируют на непрошенных гостей и норовят клювом, крылом и когтями защищать свое потомство. Мне как-то попалась карта с обозначением крупных птичьих базаров – их тысячи.

Я жил Робинзоном на острове: ходил там, где были тропы, поднимался на лысый купол через хвойный лес, по камням и серой гальке доходил до подветренных мысов, откуда просматривались взлетные склоны острова, и снова возвращался к своей палатке. Одежда на мне и в солнечную погоду была насквозь мокрой от росы, которая буквально обливала меня всего с высокой травы. Около палатки бродили чайки, рядом по ручью все время вышагивала и что-то выискивала огромная серая цапля, из моря периодически выныривали и тарасили глаза нерпы, - про существование людей я вспомнил лишь тогда, когда кончились продукты.

На причале острова обитали люди: несколько матросов-пограничников, вторая научная группа, потрошившая морских ежей под микроскопом, и водолазы, собиравшиеся на судно, откуда они погружаются на дно морское в течение рабочего дня. Моему появлению пограничники удивились. Они решили, что я днём раньше уплыл на Сахалин попутным катером, и уж раз я объявился, усадили меня, совсем кстати, за завтрак. Кроме вкуснейшей рыбы на столе стояла икра чёрного морского ежа. Водолазы и пограничники икру морского ежа видеть не могут. Научники, с научной точки зрения знают о достоинствах икры, но ели ее не охотно. Завтрак закончился разговором об изощренном вкусе японцев, которые платят большие деньги за капельку икры. Кто-то вспомнил за завтраком богача, которому готовили паштет из соловьиных язычков. Лов глубоко под водой краба и особенно дорогого ежа, у которых извлекают икру, ведется исключительно для здоровья японцев. Им легче скупать продукт у россиян, чем дорого платить своим рабочим за добычу ценного товара. Все рыболовецкие корабли находятся у богатых собственников, организующих наемное рабство. У них же есть квоты на улов от чиновников, с чего наживаются и те и другие. Все работники на корабле, как команда, так и водолазы заработками не избалованы; они обогащают хозяев и кормят изысканными блюдами еще более богатых японцев. Работяги знают, или чувствуют, что они рабы и заливают разум зельем. Вечером все водолазы были пьяными до упада. Да и не только водолазы: на остров завезли отдыхающих туристов. Манерон – это природный рай. Без водки туда не ездят ни рабочие, ни отдыхающие: даже на заповедный остров прорывается очумелая русская жизнь. Отдыхающие на остров попадают редко. Отличающиеся красотой место объявлено заказником, и туристы могут посетить Манерон только через турфирму. Турфирмы предлагают свой вояж на быстроходном катере или на вертолете, и, конечно же, такое удовольствие стоит дорого. По правилам заказника запрещено завозить на остров спиртные напитки, но турфирмы вынуждены бороться за клиента, а состоятельные господа отдыхают, как умеют.

Всякую человеческую деятельность государство трансформирует в бюрократическую структуру. Как путешественник я захожу в Комитет или Министерство по туризму за полезной информацией. Комитетам больше интересны турфирмы, приносящие доход государству, солидные делегации, обещающие инвестиции, организующиеся фонды и проекты, выделяющие деньги. Но снизу вверх часто обращаются безденежные общественные организации или просто энтузиасты-походники, о

которых можно узнать в госучреждениях, и которые подскажут самые красивые места в области. В провинции эти живые люди иногда даже входят в состав комитетов. С такими людьми в одной хорошей компании, я попал на мыс Великан в юго-восточной части Сахалина.

Дорога на мыс долго тянется по берегу моря и идет по плотному песку, намываемому ежедневными приливами и отливами, – таким естественным путем часто пользуются водители прибрежной полосы. Убегающие в море скалы прерывают движение, и объезды приходится делать по колее на крутых холмах, заросших лесом. Леса на юге Дальнего Востока пышные и смолистые; пихты, лиственницы и кедры наполняют воздух ароматами. Мы останавливаемся на перевале полюбоваться морем и берегом. Дорога петляет дальше по таёжному лесу и снова выводит на побережье. Мыс Великан почти завершает южный Сахалин террасами, утёсами, обрывистыми скалами. Некоторые из скал убегают в море, где ветер и волны соорудили арки, гроты, пещеры, уступы и отдельные лагуны. В солнечное летнее время лагуны похожи на дикий курорт, но вода в море холодная и удивительно прозрачная. На скалах, как везде у моря, волнуются птичьи стаи.

На обратном пути, возвращаясь с мыса Великан, мы заехали в поселок Пригородное Корсаковского района - «стройку века». Как раз здесь строится первый в России завод по сжижению газа. Для чего Сахалину сжиженный газ? Чего ради на тысячу километров, через весь остров, тянут трубы через леса, болота и горы, прорубая огромную просеку? Сжиженный газ нужен процветающим около России странам. Месторождение нефти и газа Сахалинского шельфа богатейшее, и ведущие нефтяные компании мира соревнуются в подкупании московских чиновников, чтобы «выигрывать тендеры» на освоение разных участков шельфа. Держателями акций на российские недра и их разработку становятся не только доморощенные, но и заморские бароны, хозяйничающие по всем странам: для проникновения сросшегося крупного капитала, дырявая страна является благодатью. Для социального положения сахалинцев и даже для экономики России «стройка века» никакого значения не имеет. Газ и нефть – это собственность нефтяных олигархов, а им чтобы стать ещё богаче, выгоднее продавать свою продукцию и для россиян по ценам мирового рынка. Уже одним этим хищничеством кучки капиталистов, продающих всё российское сырьё для производственных мощностей «цивилизованным странам», подрывается в основе внутренняя российская экономика. Разве можно нищим российским фермерам или умирающим производствам в городах производить какую-либо продукцию при столь великих ценах на энергоносители: бензин, газ, электричество. Отечественное производство заранее обречено на разорение, если его кормить своим сырьём по экспортным ценам. А магнаты в ценах не уступят. Разве не парадоксально драть с сахалинцев деньги за дорогое жильё и отопление, когда под боком несметные запасы газа. Завод сжиженного газа, обогащая своих владельцев, нисколько не интересен проживающим в округе нищим сахалинцам, как не интересны нищим африканцам процветающие в Африке западные компании. Никто толком из рядом проживающих сахалинцев не сможет рассказать о стройке, кроме как сообщить, что работают на стройке в основном дешёво оплачиваемые приезжие из Украины, Средней Азии, Кавказа, Молдавии.

Корсаков совершенно невзрачный городишко, в нем несколько гостиниц общежитейского типа, но цены за ночлег, как обычно, с претензиями на европейский отель. В порту тоже можно найти приют, например, в пришвартованном кораблике. Я пытался найти здесь грузовой корабль, отправляющийся на любой из Курильских островов, и ожидание на судне было вдвойне удобно. Ночлег подвернулся высоко над городом на заброшенном грузовом кране. В кабине крана можно было расстелить альпинистский коврик и спать в спальном мешке при свежем бризе. Утром с высоты птичьего полета, сфотографировав порт, я спустился с башни крана к вновь прибывшему грузовому судну. Капитан корабля за сходную цену брал меня на борт, но он точно не знал, нужен ли мне пропуск в пограничную зону, как лицу, не имеющему сахалинской прописки. Пропуск оказался нужен, о чем не знали ни в Отделе по туризму Южно-Сахалинска, ни в пограничном отряде и выяснилось это коварное обстоятельство лишь при отчаливании корабля. Редкие туристы попадают на Курилы через турфирмы, а диких – еще меньше. Капитан, взглянув на мою кислую физиономию, спросил:

- Шпион?

- Шпионы, обычно, с разрешениями ездят – пытался шутить я.
- Заходи на борт; пойдешь с нами, - сжалился капитан.

Вышли мы в море! У капитана в рубке собралась немногочисленная команда; само собой появились закуска и водка. Выпили до дна за тех, кто в море, затем выпили еще трижды, и, наконец, за удачное наше плавание. Капитан сдохмил, указав на меня, мол, один из нас трезвый и, если что случится - на него и вся вина ложится. После ужина я провожал глазами берег; затем на сон грядущий посмотрел карту Курильской гряды, почитал немного и блаженно заснул под размеренную волну. Ночью проснулся от того, что кораблик изрядно болтало. В каюте никого не было. Поднявшись наверх, я понял, что проспал событие: наше судно напоролось на трехкилометровую сеть, выставленную далеко от берега. Кусок сети намотался на винт, и мы без якоря держались сетью на месте. Волна била по кораблю с боку и катала по палубе плохо закрепленные вещи.

Как случилась такая беда? Одной пьянкой нельзя объяснить ночной пассаж. Перед выходом капитану сообщили в рубку, что рыбаками выброшены сети далеко в море. Но у капитана есть логика и маршрут, которого он обязан придерживаться. Рыбаки и транспортные суда сталкиваются коммерческими интересами в море, как ведомственные конторы, преследуя лишь цель наживы. Сами по себе не слишком благие цели проталкиваются в своих ведомствах любыми средствами. Рыбаки в путину хотят побольше наловить рыбы и ставят сети на рыбные места, не особенно согласовывая их заброски с маршрутами грузовых кораблей, надеясь на «авось». Беспредел собственников (капиталистов) создает хаос, который не упорядочить ни Кремлю, ни местным ведомствам, тем более что администрация с собственниками крепко скрещены коррупцией. Цепь постоянных потрясений в стране можно понять, если учесть социальную войну, как главную причину общего бедствия, которая ведётся постоянно между собственниками всех богатств России и ничего не имеющим народом. Социальная война в России со стороны обездоленной части народа пока выражается пассивно и притом в традиционной форме отчаяния – в виде повального пьянства. Формы отчаяния, конечно, со временем могут поменяться.

Беспредел собственников и власти на всех уровнях, помноженный на беспробудное народное пьянство, не дает скучать стервятникам-журналистам, кормящимся с угодных трактований события в пользу режима. Наш прецедент с намотанной на винт сетью – рядовой, и мы не попали в телевидение: кого удивит столь обычная халатность на море. Мы простояли сутки в ожидании спасательной службы и от скуки, после рыбалки, включили телевизор. По сравнению с нашим случаем теленовости были действительно выдающимися: на глубине 200 метров запутался в каких-то сетях подводный, секретный батискаф с экипажем, которому грозила смерть. Вокруг батискафа, на международном уровне телевидением разыгрывалось шоу на весь белый свет. Журналисты торжествовали: новости не были скучными. Нас тоже объединяло и философски успокаивало обстоятельство, что не мы одни в сетях.

К нашему запутавшемуся кораблю долго не пребывала спасательная служба, которую запрашивали по связи. После обеда объявившаяся служба имела информацию, что мы уже распутались и в помощи не нуждаемся. Капитан высказал предположение, что спасатели утро начали с того же тоста что и мы вчера: «За тех, кто в море!» Под общий смех мы пошли отведать необычно вкусную камбалу, выудившуюся от безделья. К вечеру на большом катере прибыли спасатели и рыбаки, которые должны были снимать улов. Водолаз со специальным ножом нырнул под наше судно и резал канаты. Сеть с поплавками подбирали рыбаки, вслух высказывая предположения о предстоящих разборках. Наш экипаж хмуро выслушивал упреки и оживился, лишь покинув место происшествия. Чтобы снять стресс, «за удачное плавание» все выпили снова.

В море на второй день привыкаешь к качке. Вечером вся команда выходит на палубу посмотреть, как багряное солнце опускается за горизонт. В течение дня море в зависимости о положения солнца играет всеми цветами, и каждый цвет дает моряку свое настроение. Вечерний закат величественный и почти всегда тревожный: море напоминает о своей непредсказуемости. Ночью разыгралась волна, и я заснул очень поздно, а утром проснулся от тишины, которая как мне показалась, наступила внезапно. Наш корабль встал на якорь. Остров Итуруп встречал нас на рассвете выступающим вулканом.

Курильские острова вместе с Камчаткой разделяют Охотское море и Тихий океан. За Курильской грядой начинается подводный обрыв, а сами острова очень сейсмичны и рельефны, благодаря разлому между тектоническими плитами земли. Подводный хребет, протянувшийся на 1300 км с севера на юг, образует множество островов. Четыре крупнейших из них по протяженности равны от 130 до 200 километров. По громадной гряде рассыпаны вулканы и многие из них действующие. Конусы вулканов на некоторых островах испускают дым – курят, отчего острова и названы Курильскими. Вулканы цепляют облака своими шапками и держат их дном на своих вершинах. Ночью с прохладой тучи опускаются вниз к тёплой воде и укладываются в тихих заливах плотным одеялом. Утром плотная завеса тумана стелется по берегу океана и медленно выползает на хребты и вулканы. В летние дни на Курилах выпадает немало солнечных дней, когда можно насладиться хорошей погодой. Остров Итуруп самый крупный из Курильской гряды. Днём он остаётся ярко освещенным солнцем и освеженным росой; на нем несколько деревушек и довольно большой поселок Курильск. По острову тянется насыпная дорога и можно сказать, что есть возможность путешествовать автостопом. Машин здесь немного, но любой водитель прихватит попутчика; даже местное начальство простодушно отказывается от денег за провоз. По дороге можно проехать по деревням, но чуть в сторону – непролазная глушь: кругом высокая трава, густые леса и очень много низкорослого бамбука. Растительность на Итурупе сочная, трава и листва на деревьях ярко зеленые; особенно выразительны в горах и на уступах пихты, раскинувшие широко в стороны массивные ветви, похожие на лапы великана.

В Курильске несколько сотен жителей. Поселок расположен на двух уровнях: по береговому выступу и внизу по-над речкой. Капитальные строения чередуются с развалившимися домиками. Жизнь в поселке застывшая, большинство людей кормятся с огородных участков и сезонным ловом рыбы. Для здешних жителей российские события так же далеки, как для москвича африканская жизнь, а новости по российскому телевидению, примерно такая же бредовая фантазия, как американские боевики. Даже спор вокруг Курильских островов между Россией и Японией местными жителями воспринимается с полным равнодушием: лишь бы у холопов чубы не трещали, пока господа разных стран скандалят. Кстати сказать, у жителей Курильска нет того романтического отношения к богатой Японии, какое воспитано телевидением у московского обывателя. Рыбный и крабовый улов с российских кораблей уже много лет подпольно перегружается на японские корабли и добропорядочные японцы, соблюдая хорошие традиции у себя дома, не брезгают спекуляцией за кордоном через российских дельцов.

Около Курильска проходит небольшая речка Курилка. В путину по ней устремляется лосось. Местная рыболовецкая артель перегораживает сетью реку несколько выше устья, и рыба выгребается из кармана автоматическим подъемником. Сверху ее сваливают тут же в грузовик. Грузовик отвозит рыбу в разделочный цех, находящийся в поселке. Из маленькой речки метров семь шириной и глубиной чуть больше метра, рыбы вывозится по несколько автомобильных кузовов в день. Как полагаются, около устья реки выныривают разъевшиеся ленивые нерпы, на которых рыба идет потоком. За устьем, в заливе видны сети, выставленные с кораблей. На фоне рыболовецких корабликов на окраинах посёлка, как в средней полосе России, пасутся коровы. Будничная жизнь, привычная для местных жителей, любому приезжему человеку покажется экзотичной; пыхтящий в горной гряде вулкан будет будоражить его воображение и зазывать смотреть на красоты острова.

За поселком Рейдово находятся Черные, а через несколько километров Белые скалы – интересные, сказочные выступы на море. От скал, упирающихся в Охотское море, недалёк переход через перешеек, откуда видна другая сторона - Тихий океан. Океан швыряет волну на скалистый берег, издает глухой сотрясающий землю звук. На противоположной стороне океана, в Охотском море виден покоящийся при штиле кораблик и мягкая, белая песчаная коса залива. Какая глухомань! Находясь в африканской Сахаре, южноамериканских Андах или азиатском Тибете, нельзя ощутить большей затерянности, чем в далёкой России.

Из Курильска раз в пару дней кто-нибудь едет к вулкану Баранского. Дорога к подножию вулкана разбитая и туда может доехать только двухместовый сильный автомобиль. Меня прихватили с собой рабочие геологической партии, некогда разрабатывающие проект отопления Курильска горячими термальными водами. Проект на много лет заморожен, но геологи все равно ведут там

работы теперь уже меньших масштабов. Для гостя водитель сделал остановку на перевале. С перевала открываются утопающие в лесах долины и неровные контуры вулканов; коптит небо «Иван Грозный», выбрасывая чёрный дым из кратера. Доехав до нужного места и искупавшись в термальной речке, геологи показали мне тропу вверх для осмотра кипящего озера. По зарастающей тропе пробираться трудно, так как бамбуковые ветви стелятся по склону вниз и мешают проходу своими острыми пиками. Склоны, живописные с перевала, при их прохождении кажутся безобразно заросшими. Кривые березки, расплзающийся всюду бамбук, мощные хвойные стволы и высокая трава стеной заслоняют проходы вверх. Тропа вывела меня на обрыв, которая, огибая конус кратера, спускалась вниз. Снизу на обрыв смотрели два разноцветных глаза. От кипящего зеленого озера поднимался вверх пар; второе озеро меньше парило, и вода в нем была темно-коричневой. Цвет воды рассказывает геологам о породах земной коры.

На Итуруппе кругом чувствуешь себя курортником: можно везде купаться в термальных источниках. Жаркие воды, Горячие ключи, ручей Минеральный, Нарзанная вода – сами географические названия острова зазывают укреплять здоровье. Многие лечебные водоемы открыты для бесплатного использования и находятся около поселков. В самом Курильске рыбаки приходят полежать в горячих ваннах, чтобы снять напряжение рабочего дня. Курортом делают остров чистейшие песчаные пляжи, на которые не залетает мошка. Географические названия, как правило, характеризуют местность и на Итуруппе они часто экзотические: озеро Сопочное, полуостров Медвежий, залив Касатка, берег Зеркальный пляж, бухта Лососевая, вулкан Дракон, мыс Громкий. Дорога по острову, немногие поселки и два-три корабля на море нисколько не нарушают первозданной природы и если уйти немного в сторону, то можно сразу попасть в дебри и тогда уже остров - не курорт. Болота с нестерпимым гнусом, горы с пропастями и непролазная тайга становятся непреодолимыми препятствиями на каждом километре.

Попутной машиной с военными я доехал до поселка Горячие ключи, где по всему было видно, находился образцовый военный городок, и в нем сияла, как игрушка, только что выстроенная церковь. В городке случилось событие: его посетил со своей свитой министр обороны России. К приезду Его Величества как раз и поставили церковь. Министр пожурил подчиненных за недостатки в работе по боевой подготовке, но больших наказаний никому не сделал. Что ж он не доехал до поселка Горный, где тоже стоит воинская часть, только не образцовая, а обычная и в поселке страшная разруха? Главный генерал не доехал и не узнал о слабой боеспособности соседней воинской части. Вот бы ему путешествовать моим способом и приехать в разрушенный поселок инкогнито: ему и пропуск на остров получить легче. Сколько бы погон с плеч у нерадивых вояк слетело. Представляю, чего бы наговорили солдаты своему министру, если бы он автостопом подсел к ним на военный автомобиль и послушал их рассказы. Но, наверное, у министра много других дел, да и вряд ли он любит автостоп.

В поселке Горном у военных видимо раньше была образцовая часть. Десятка три трёхэтажных бетонопанельных основательных домов разрушили недавно. Эти дома намного прочней даже в разбитом состоянии, чем бараки и скривившиеся домики соседних поселков. Окна в большинстве домов вырваны вместе с дверями и смотрят продырявленными глазницами на окружающее безобразие. По поселку валяется ржавая техника, составляющая горы металлолома. Даже природа вокруг приуныла, придавленная разбросанным вокруг мусором и обломками разбросанной техники. Большую часть военных перевели в другие места, а городок доламывается теми, про которых генералы почему-то забыли. Дождутся ли перевода остальные поселенцы городка – неизвестно. Но после них, как после войны, останется груда обломков и в этом варварстве не найти виноватых: мздоимство сверху, из Москвы, в первую очередь, и полная безнадежность положения обитателей окраин, два десятилетия хозяйничают в стране. Если городку сделать капитальный ремонт, в него можно переселить тех, у кого домики разваливаются от ветхости. А если к ремонту привлечь переселяющихся жителей, которые нигде не работают, оттого что повсюду безработица, то часть жителей получит работу, кров, обретёт смысл существования и в селе будет меньше пьянства. Но кому на верхушке власти и из верхушки собственников, организующих власть, могут прийти в голову такие простые мысли. О каких перспективах, кроме набивания собственных карманов, размышляют государственные мужи.

При полном хаосе, российские окраины кажутся навсегда забытыми. Это не совсем так. В провинции скупаются в собственность жилищные здания и предприятия – до них есть кому дело. Очень часто в богом забытых местах организован морской промысел или добыча сырья на большие московские деньги несмотря на то, что жизнь населения окраин так и остается убитой. В соседнем от поселка Горный селении Буревестник, на здании администрации вывешен список должников за квартплату. Драть поголовно деньги с населения, у которого дома, как после бомбежки – есть кому. Обирание населения имеет государственную структуру, армию чиновников, точный подсчет с кого и сколько взимать денег и выполняется с завидной последовательностью. Всё население платит налоги и прочие поборы; паспортом и пропиской народ для прочности прикреплен к государству. Само население при этом остается государством забытым.

Около Буревестника находится Шуми-городок, состоящий из десятка домиков. Вопреки названию в деревушке тихо и около нее пасутся коровы. Поломанная и разбросанная по частям техника рассказывает об индустриальном прошлом каждой российской деревни. Развалились хозяйства, и кучами валяется металлолом. В Шуми-городке коровы щиплют траву между брошенными вездеходами. Сюжет сам по себе креативный, как выражаются западные фотографы, и я достал фотоаппарат. Ко мне подъехал велосипедист в одних шортах и представился: «Майор пограничных войск тов....» - я не запомнил фамилии. Он попросил у меня паспорт и пропуск на остров. Без пропуска мое положение было щекотливым, к тому же мне не хотелось рассказывать, как я оказался в этих краях. Разговор между нами вначале шел с трудом, но вскоре наладился и из официального перешел на приятельский. Майор знал пропускную волокиту, которой я оправдывался, сочувствовал мне и предложил даже экскурсию на местные «Боржоми». Экскурсия получилась впечатлительной: мы шли по тропе, где выступали свежие медвежьи следы, пили «Боржоми» и искупались в горячем источнике. По пути нас сопровождали каркающие вороны. Вороны на Дальнем Востоке необычные. Они огромные, чернее сажи и каркают, как предрекают – не зря обожествляли их здесь населяющие древние народы.

- О чем задумался? – спросил меня майор.

- О необычных здешних воронах.

- Здесь все необычно. «Край необычный!» —сказал с какой-то грустью майор, которого вскоре обещают перевести на материк.

Вечером я отправился в неприхотливый местный аэропорт. Поставил палатку около брошенного вертолета, лежавшего на брюхе, переночевал с его подветренной стороны, а утром улетел на самолёте в Южно-Сахалинск, откуда доехал до Холмска и уплыл на огромном пароходе в Ванино – на Большую землю.

2005 г. Владимир Снатенков